

Но не только судьба, не только талант привлекали к Лорке советских читателей и советских поэтов, заставляли, скажем, двадцатилетнего Бориса Смоленского перевести «Цыганский романсеро» без всякого расчета на опубликование, а нас, тогда также двадцатилетних московских поэтов, учить эти переводы наизусть.

Лорка — одна из самых сильных звезд тогдашнего неба западной поэзии — казался нам не то чтобы ярче, но ближе, чем иные звезды.

Народность — это слово тогда звучало свежее, чем сейчас, — содержательность, близость к фольклору, подчинение неустанных формальных поисков смыслу — все то, что ценили советские поэты, они находили у Лорки. Однако первое, что бросалось в глаза, — была цыганская нота.

Мощный мотив всей русской поэзии, мотив Державина, Пушкина, Аполлона Григорьева, Блока, а в наше время Кедрина, мотив Толстого, Лескова и бесчисленных малых «цыганистов» внезапно зазвучал у далекого испанского поэта. Это трогало и подкупало.

Цыгане были взяты Лоркой как народ, а не как искусство, реалистически, а не романтически. Образ цыган совпадал с образом вольности. Это напоминало о русской традиции, о пушкинской поэме. Рядом с цыганами в романсах жили жандармы:

Их корни черным-черны,
и черен их шаг печатный.
На крыльях плащей чернильных
блестят восковые пятна.
Надежен свинцовый череп —
заплакать жандарм не может;
идут, затянув ремнями
сердца из лаковой кожи.
Полночны и горбаты,
несут они за плечами
песчаные смерчи страха,
клеякую тьму молчанья.

(«Романс об испанской жандармерии».
Перевод А. Гелескула)

Жандармы, убивающие цыган, — этим образом вошел в нашу поэзию Лорка. Его удивительная любовная лирика, лирика испанской природы, даже картины городов Андалусии, вроде стихов: «О цыганская столица, кто любил тебя и кинул?» — цитирую по оставшемуся в памяти переводу того же Бориса Смоленского — все это вошло в сознание наших читателей значительно позже. Первая усвоенная нами нота Лорки был крик гонимой вольности, крик цыган, убиваемых жандармами. В разгаре освободительной войны испанского народа, накануне Отечественной войны это было естественно и понятно.

Впервые книга Лорки вышла у нас в 1944 году, тогда, когда бумаги хватало только на книги, безусловно и немедленно нужные фронту. В числе немногих западных поэтов, тогда изданных, был и Лорка.

После этого выходили другие книги испанского поэта. И вот перед нами новое, итоговое издание.

Большая популярность серии «Сокровища лирической поэзии» объясняется, между прочим, тем, что множество людей, потянув-

шихся к поэзии в результате неустанной работы наших молодых, талантливых и небывало энергичных поэтов, не остановились на том, что они услышали по радио или с эстрады. Записавшись добровольцем в армию любителей стихов после какого-нибудь вечера в Лужниках, они с радостью проходят обмундирование, вооружение и обучение. Для этого и нужны сокровища лирической поэзии всех времен и народов. Поэтому-то Лорка вышел пятидесятитысячным тиражом, а мог бы выйти, наверное, полумиллионным.

Новая книга — хорошая книга. Хороша она прежде всего тем, что включает лучшие старые переводы. Среди них выделяются — полным исчезновением расстояния между языками, полной естественностью для русской речи переведенного — четыре стихотворения Марины Цветаевой.

Вот строки из «Гитары»:

Неустанно
гитара плачет,
как вода по каналам — плачет,
как ветра над снегами — плачет,
не моли ее
о молчанье!

Лучше перевести, кажется, невозможно. Вообще говоря, среди переводов Цветаевой неудач не было. Английские народные песни и Бодлера, Важа Пшавелу и Лорку, она переводила с полной отдачей своего огромного таланта.

Хороши и многие переводы, сделанные поэтами-переводчиками: «Заря» Инны Тыняновой, «Балладилья о трех реках» В. Столбова, несколько стихотворений, переведенных В. Буричем, «Сомнамбулический романс» О. Савича. Дело в том, что как бывают «самоигральные» пьесы и «самоигральные» роли, которые удаются талантливым актерам без видимого внешнего усилия, так бывают и «самопереводимые» поэты, и Лорка, кажется, один из них. Речь идет о том, что трудности его перевода связаны, скорее, с постижением содержания стихов,

их музыкальной природы, чем с воспроизведением формальных изысков.

Однако самая большая удача нового сборника — это переводы Гелескула, молодого испаниста. Им воссоздан «Цыганский романсеро» (почти весь), переведен цикл «Три города» и многие другие стихотворения. Сравнение переводов из Лорки с некоторыми другими работами Гелескула, в частности с его переводами Мигеля Эрнандеса, Маркоса Аны и особенно Сесара Вальехо, показывает, что в нашу поэзию пришел человек незаурядного дарования. Написанное Гелескулом развернутое предисловие к книге свидетельствует, что он знает предмет и прекрасно пишет прозой.

Итак, перед нами хорошая книга, правильно сложенная, хорошо переведенная, оправдывающая высокий гриф «Сокровища лирической поэзии», поставленный на ее первой странице.

БОРИС СЛУЦКИЙ

ПЕРЕВОДЫ АННЫ АХМАТОВОЙ

Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. Предисловие А. Тарковского. Редактор М. Зенкевич. Москва, «Прогресс», 1965. 174 стр.

В серии «Мастера перевода», выпускаемой издательством «Прогресс», недавно появилась еще одна книжка, свидетельствующая о высоком уровне, какого достигло искусство перевода в Советском Союзе. Это «Голоса поэтов» — сборник избранных переводов Анны Ахматовой. Тот, кто любит оригинальное творчество Ахматовой, порадует, услышав еще раз ее голос, угадывая его тембр в голосах других поэтов. Тот, кого интересует зарубежная поэзия, испытает удовлетворение от знакомства с произведениями разнообразных иностранных поэтов — и старых, и современных.

И снова эта книжка показывает, как важно в переводе единое звучание, какую ошибку совершают некоторые издательские работники, стараясь (даже в тех случаях, когда можно этого избежать) в одной книге, под именем одного поэта объединить десяток, а то и два переводчиков. Как часто три-четыре перевода, сделанные умелой и любящей рукой, дают о поэте более ясное представление, чем целая книга его стихов, созданная коллективом переводчиков разного стиля и разной манеры. Иногда даже не помогает наличие в этом коллективе крупных имен, потому что чем крупнее поэт, тем своеобразнее его индивидуальность, проявляющаяся, конечно, и в его переводах, и тем заметнее получается в книге разнобой. Далеко не каждый поэт обладает специфическим талантом перевоплощения, помогающим ему преодолеть собственную индивидуальность и передать многообразные различия в поэтике переводимых авторов. И далеко не каждый редактор уме-

ет стать дирижером, который приведет различные переводческие индивидуальности к некоему оркестровому единству.

Вот почему издание сборников, представляющих творчество одного переводчика, оправдывает себя во всех отношениях. Такие сборники не только являются законной данью признательности и уважения поэту, отдавшему свой труд и талант благородному делу перевода, но и, кроме того, их художественный и познавательный эффект несет в себе нечто новое по сравнению с обычными сборниками переводной поэзии, в оглавлении которых мы находим десяток-другой переводческих имен.

При всем единстве поэтической манеры Анна Ахматова нисколько не сглаживает индивидуальные и национальные различия представленных ею поэтов. Едва ли болгарская поэтесса Елисавета Багряна может быть переведена более близко к оригиналу, хотя мы и узнаем в переводе чисто ахматовские интонации.

И снова на улицах наших лукавый
Апрель-цветоносец поет,
И веет зеленой весенней отравой,
Которая слаще, чем мед.

Но в комнате этой и душно и тесно
За крепко закрытым окном,
А то, что скажу я, так было чудесно,
Что мнится не явью, а сном.

Или:

Говори, говори, говори —
Опускаю ресницы и внемлю:
Где дымятся внизу алтари,
Вижу смутные море и землю...

Там закат багровеет, горя,
Здесь — пожарища дым и тревога;
Где нас встретит сегодня заря
И куда эта вьется дорога?

Пушкин в письме к Н. Б. Голицыну сказал, что поэтический перевод — это самый неблагодарный и самый трудный род литературы. Великий законодатель русской поэзии проявил здесь обычный для него лаконизм и точность. Прочитав переводы стихов иноязычного поэта, читатель далеко не всегда дает себе труд заглянуть в оглавление и узнать, кому он обязан новым художественным наслаждением, чьей волей и мастерством чужое вдохновение заговорило по-русски и сокровищница русской поэзии обогатилась новыми, может быть еще невиданными, жемчужинами.

Серия «Мастера перевода», ставя на первое место имя переводчика, безусловно сыграт свою положительную роль и в этом отношении.

Но по какому принципу должны отбираться переводчики для такой серии? Возвращаясь к определению Пушкина, можно сказать, что мастер — это тот, кто умеет преодолеть все неизбежные трудности перевода и создать стихи настолько естественные и свободные, что они будут звучать как русский оригинал.

В переводах Ахматовой эти качества не подлежат сомнению. Естественность интонаций, такая пленительная в ее оригинальных стихах, не изменяет ей и в пе-